

– Режим доступу: https://vpk.name/news/163255_podlodka_novorossiisk_zapustila_kryilatuyu_raketu_u_beregov_kryima_na_ucheniyah_kavkaz2016.html

9. «Сметливый» (сторожевой корабль) [Электронный ресурс]. – Режим доступу: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%BC%D0%B5%D1%82%D0%BB%D0%B8%D0%B2%D1%8B%D0%B9>

10. Спогади офіцерів Західної військово–морської бази ВМС ЗС України та 1–ї бригади надводних кораблів ВМС ЗС України (архів автора).

References

1. «Admiral Grigorovich» vyshel na pervuju boevuju sluzhbu v Sredizemnoe more [Elektronnyj resurs]. – Rezhym dostupu: <http://bmdp.livejournal.com/2147042.html>

2. Kavkaz–2016 [Elektronnyj resurs]. – Rezhym dostupu: // <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D0%B0%D0%B2%D0%BA%D0%B0%D0%B7–2016>

3. Kiev: «Ukrainskie VMS oderzhali pervuju pobedu nad rossijskim flotom» [Elektronnyj resurs]. – Rezhym dostupu: <https://topwar.ru/100525-kiev-ukrainskie-vms-oderzhali-pervuyu-pobedu-nad-rossijskim-flotom-video.html>

4. Pervaja pobeda ukrainskogo moskitnogo flota [Elektronnyj resurs]. – Rezhym dostupu: <https://bmdp.livejournal.com/2117945.html>

5. Pozornoe kreshhenie ukrainskogo flota: kak korabli Nezalezhnoj oderzhali grandioznuju «pobedu» nad VMF RF [Elektronnyj resurs]. – Rezhym dostupu: https://tvzvezda.ru/news/vstrane_i_mire/content/201609130759-j19p.htm

6. «Persha peremoga «moskitnogo flotu»: Ukrai'ns'ki katery daly vidsich korabliju RF bilja mors'kogo kordonu [Elektronnyj resurs]. – Rezhym dostupu: <http://patrioty.org.ua/other/persha-peremoha-moskitnoho-flotu-ukrainski-katery-daly-vidsich-korabliju-rf-bilia-morskoho-kordonu-video-133195.html>

7. Persha peremoga nad Rosijeju moskitnogo flotu Ukrai'ny [Elektronnyj resurs]. – Rezhym dostupu: <https://www.youtube.com/watch?v=eGnpYWhkgZl>

8. Podlodka «Novorossijsk» zapustila krylatuju raketu u beregov Kryma na uchenijah «Kavkaz–2016» [Elektronnyj resurs]. – Rezhym dostupu: https://vpk.name/news/163255_podlodka_novorossiisk_zapustila_kryilatuyu_raketu_u_beregov_kryima_na_ucheniyah_kavkaz2016.html

9. «Smetlivyj» (storozhevoj korabl') [Elektronnyj resurs]. – Rezhym dostupu: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%BC%D0%B5%D1%82%D0%BB%D0%B8%D0%B2%D1%8B%D0%B9>

10. Spogady oficerv Zahidnoi' vijs'kovo-mors'koi' bazy VMS ZS Ukrai'ny ta 1–i' brygady nadvodnyh korabliv VMS ZS Ukrai'ny (arhiv avtora).

Pospelov A. S., Ph.D., Candidate of Historical Sciences (Ph.D.), Associate Professor of the department modern history of Odessa I. I. Mechnikov National University, Associate Professor of the department navigation and the navigator arms Institute of Naval Forces of Ukraine National University «Odessa Maritime Academy» (Ukraine, Odesa), andreas.pospelov@gmail.com

The first combat victory of the Ukrainian Navy – is a naval clash near Chornomorsk on September 8, 2016

The events are being restored on September 8, 2016, when the Chornomorsk naval navy grouping of the Naval Forces pushed the Russian watchship «Smetlivyj» from the territorial sea of Ukraine on the traverse. It describes the military-political situation in the beginning of autumn 2016 on the sea direction of Ukraine, analyzes the actions of the newest Ukrainian small armored artillery boats project 58155.

Keywords: Naval Forces of Ukraine, Black Sea Fleet, small armored artillery boats, frigate, watchship, fight, victory.

* * *

УДК [«36»][930.1+130.2]

Чеканов В. Ю.,

кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и истории, Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского (Украина, Киев), vsuld1971@gmail.com

«БЕЗВРЕМЬЕ» В МАССОВОМ И ИСТОРИЧЕСКОМ СОЗНАНИИ

Рассматривается вопрос об истоках, особенностях функционирования и последствиях использования категории «безвременья» в качестве идентификатора исторических эпох. В отличие от централизованно вводимой политики памяти, восприятие эпохи как «безвременья» не является средством закрепления ценностных ориентиров, а служит манифестацией негативного отношения интеллектуальных элит к ограничениям. Проанализированы тексты античной историографии, обладающие схожими чертами – «безвременностью» расположения материала, не включенного в хронологическую систему: Соелан вывод о преемственности мироощущения, стоящего за обоими феноменами, которое выражается в изменении соотношения между абсолютным и относительным временем в исторических трудах и в массовом восприятии истории.

Ключевые слова: безвременье, элиты, ориентация, Геродот, Фукидид, абсолютное и относительное время.

(статья друкється мовою оригіналу)

В массовом сознании феномен «безвременья» как утраты чувства прогрессивного движения истории, количественного накопления изменений и их закономерного преобразования в новое и лучшее качество, известен давно. Он связан с эпохами, которые массовое сознание воспринимает в соответствии со стереотипами, сформированными в отношении их образованными элитами, т.е. в Новом и Новейшем временах, когда эти элиты обрели самоценную значимость. Например, Николаевская реакция в России или годы «Священного Союза» в странах Европы до сих пор расцениваются как такие периоды благодаря тому, что их негативное восприятие представителями образованных элит – писателями, публицистами, просветителями – уже тогда имело самостоятельное значение и сыграло ключевую роль в самоопределении масс относительно этих периодов. В связи с этим такое самоопределение имеет смысл рассматривать как «самоопределение во времени».

«Самоопределение во времени» редко является предметом научно-исторического изучения в современной историографии. Исключение составляют работы И. Савельевой и А. Полетаева в России [5], а в Украине – Л. Нагорной [4]. В целом, большее внимание привлекает феномен исторической памяти, являющейся средством закрепления в массовом сознании ценностей, важных для государства, путем проведения т.н. «политики памяти» [4, с. 17]. Для ее проведения используются такие приемы, как метафорическое моделирование, фабуляризация [4, с. 43]. Ощущение же безвременья отличается тем, что формируется спонтанно и артикулируется не сразу. Ему и посвящена данная работа.

Мы охарактеризовали ситуацию, характерную для Новой и Новейшей эпох. Ориентация во времени в более ранние периоды связана не с восприятием элит, а с разработками историков позднейшего времени. Например, определение исторических периодов как эллинизма, Столетней войны или Английской революции

является результатом позднейших научно-исторических исследований, а не принятия некоей общепринятой в названные эпохи терминологии. Видимо, тот переломный для нас момент, после которого именно мировосприятие публицистов, философов и просветителей закладывается в основу ориентации во времени, представляет эпоха Просвещения. Следующие эпохи мы можем назвать уже непосредственно благодаря «самоопределению во времени» образованных элит. Для этого самоопределения характерно как неприятие государственной политики памяти, так и подчеркнутое невнимание к ценностям людей массы. Так, например, в определении 70-х гг. XX в. как «застоя» в СССР или как «свинцовых времен» в ФРГ принимались во внимание не факты экономической стабильности (принципиально важные для простых людей), а специфическое ощущение несвободы, ограничений, бесцельности существования и т.д., характерное как раз для представителей образованных элит.

Выражением этого ощущения может служить стихотворение Б. Слуцкого «Климат не для часов» [6, с. 298–299]:

Этот климат – не для часов.
 Механизмы в неделю ржавеют.
 Потому, могу вас заверить,
 Время заперто здесь на засов

 И никто не крикнет: скорей!
 Зная, что скорей – не будет,
 А индустрия календарей
 Крепко спит, и ее не будят.

Еще раз отметим ключевой момент: понятие «безвременья» как идентификатор эпохи вводится именно представителями образованных элит. В качестве рабочей гипотезы выскажем предположение, что это является не только проявлением особой чувствительности элит к ограничениям, но следствием особого мировоззрения, формировавшегося на протяжении предшествовавшей истории интеллектуального и культурного развития человечества.

Особую значимость обретает тот факт, что понятие «безвременья» в принципе не переводимо на другие языки. Еще точнее сказать, что непереволим тот особый смысл, которым это понятие наполняется в некоторых странах. Так, если на русском языке «безвременье» относимо именно к периодам дезориентации в историческом времени, то в украинском «позачасовість» будет всего лишь калькой с русского, не наполненной каким-либо реальным содержанием, а более адекватное «лихоліття» относится не к периодам дезориентации, а, скорее, к периодам общественных или национальных бедствий (ср. рус. «лихолетье»). При этом вопрос о самоопределении в историческом времени в эти периоды в принципе не нюансируется (что и предопределило выбор языка для написания данной статьи).

В английском языке – практически та же ситуация: лексически точный перевод «timelessness» восходит не столько к реальной ситуации замершего прогресса, сколько к известному выражению «time out of joint» из монолога Гамлета. Т.е. оно связывается с самоопределением во времени конкретной личности, чья социальная репрезентативность в отношении Англии начала XVII в. неочевидна, тогда как ее элитарность, единичность (принц) – подчеркнута.

Зато в немецком языке калькированное выражение «Zeitlosigkeit» дополняется социально значимой идиомой «die bleierne Zeit», применяемой в отношении 70-х гг. XX в. Она связана с «самоопределением во времени» ведущих интеллектуалов ФРГ (П. Штайн, Р. В. Фасбиндер, Ф. Шлендорф, М. фон Трота и др.), разделявших идеи «Фракции Красной Армии» (RAF) и дезориентированных якобы «коллективным самоубийством» лидеров организации в тюрьме в 1977 г.

Понятие «безвременья» зачастую не связывается с кардинальными событиями. Оно отражает скорее дезориентацию субъектов, формирующих массовое сознание, нежели состояние объектов. Оно оказывается связанным с определенными социальными феноменами в одних языках, и не связанным с таковыми в других, что находит разное лексическое выражение. Оно может функционировать как неотъемлемая составляющая часть репрезентации исторического периода (например, говоря об эпохе «застоя» в СССР, допустимо говорить о стабилизации экономической и политической жизни в стране, но недопустимо не называть ее эпохой «застоя» и не объяснять смысл этого названия).

Принципиальным является, на наш взгляд, выяснение того, связано ли понятие «безвременья» только с самоопределением современных элит, или же оно имеет более глубокие истоки (как мы и формулировали выше в рабочей гипотезе). Поэтому важно исследовать феномен «безвременья» не только в массовом, но и в историческом сознании. Эпохи, предшествовавшие Новому времени, доступны для этого в неравной степени: например, хронисты Средневековья не имели своего голоса, звучавшего не в унисон с политикой памяти феодальной монархии. Более приемлема для нас здесь античность. Попытаемся на основе сохранившихся трудов античных историков понять, насколько органично для человека постоянно ориентироваться в отношении хода времени и прогресса.

Современная историческая наука позиционирует свой объект не как «прошлое» или «время», но как некий объект в прошлом. Такой подход сближает историю с современными социальными науками, изучающими, по сути, тот же объект – но в настоящем [5, с. 19]. Однако каждый такой объект не только пребывает в настоящем, но и имеет свою историю, неотделимую от него [3, с. 27]. Историческое знание оказывается не одной наукой, а системой наук, размещенных сразу в двух временах.

Неудивительно, что еще античные философы ощущали некую двусмысленность понятия «изучение прошлого». Так, Платон ввел два типа времени: «время» как таковое и «вечность». Объяснение различия между ними было позднее дано Плотинином: время является жизнью души, характеризуется переходным движением, а то, что существовало до него, есть вечность [5, с. 74–75]. В эпоху Нового времени эта концепция претерпевает изменения, связанные с коррекцией религиозной картины мира за счет растущего объема естественнонаучных знаний: идея вечности заменяется идеей длительности (абсолютное время), которую человек воспринимает субъективно (относительное время) [5, с. 77–80]. Эта идея характеризуется уже не психологической очевидностью, вполне употребительной у историков, но скорее связана с физической картиной мира. С этого времени историки все более концентрируются на

относительном времени. Вопрос о взаимоотношении абсолютного и относительного времен как бы выводится за скобки исторической науки.

Важным аспектом проблемы является вопрос о форме восприятия времени историками. Поскольку философская проблематика положения человека во времени была чужда средневековым хронистам (философские вопросы не поднимаются в их трудах), поищем ответ в античной историографии, выдающиеся представители которой, если и не были напрямую связаны с философскими школами, то, во всяком случае, находились на уровне понимания их задач [7, с. 410–411, 434]. Первый вывод, напрашивающийся при ознакомлении с их трудами: хронология не имела для них принципиального значения. События описываются, но не датируются. Например, у Геродота в «Истории в девяти книгах» хронология как таковая отсутствует. Наоборот, тысячелетия египетской истории как бы сведены вместе [1, с. 76]. Широко представлены логические переходы от прошлого к будущему, основанные на причинно–следственных связях между событиями. По завершении каждого такого перехода Геродот вводит новую линию повествования вводной фразой «после этого» [2, с. 15, 16, 19, 69, 210, 241, 258, 264 и др.]. Время для Геродота – длительность, а не система координат. Упоминания об измеряемом времени в его тексте отсутствуют, зато приводятся сведения о длительности временных промежутков, либо не согласуемых между собой [2, с. 20, 29, 211 и др.], либо не имеющих практического значения для ориентации в материале (например, сообщение о том, что история Египта насчитывает 330 царей [2, с. 98]).

У Фукидида в «Истории» также преобладают логические переходы, основанные на причинно–следственных связях между событиями. Рядоположение же их во времени достигается использованием союзных слов «после», «между тем» [8, с. 10, 17, 143, 238 и др.]. Ссылки на хронологические даты у Фукидида уже появляются. Например, дата начала Пелопоннесской войны обозначена так: «сорок восьмой год жречества Хрисиды в Аргосе, когда Энесий был эфором в Спарте, а Пифодору оставалось 4 месяца архонтства в Афинах». Но для Фукидида эта датировка значима не сама по себе. Она корректируется ссылками на «пятнадцатый год тридцатилетнего мира, заключенного после завоевания Евбеи» и на «шестнадцатый месяц после битвы при Потидее», потому что о них упоминается в тексте [8, с. 65]. Такая структура датировки отсутствует у Геродота, но и у Фукидида она редка. Фукидид часто использует фразу «приблизительно в это время» [8, с. 47, 163, 182, 234, 399 и др.], видимо аналогичную геродотовской «после этого». Указания во времени, когда они есть, точны – но не для нас (напр., три подряд главы 2–й книги начинаются с фразы «на следующий день» [8, с. 144] и т.д.), и обязательно корректируются ссылками на взаимоотношения с другими событиями повествования (с помощью вводной фразы «как мы сказали ранее»).

Итак, объяснение и понимание причинно–следственных связей, обуславливающих исторические события, с точки зрения античных авторов не обязательно сопровождается помещением этих событий в хронологическую систему. Следовательно, для них значимым в первую очередь было абсолютное время. Относительное же время проникает в исторические

сочинения только в эллинистический период с достаточно утилитарной целью: сориентировать живущих на Востоке греков относительно давности местных цивилизаций. Поскольку в исторической памяти греков общие с этими цивилизациями события (кроме греко–персидских войн) либо отсутствовали, либо подверглись редактуре (как Троянская война [2, с. 3–4]), единственным способом создания общей системы координат было использование относительного времени. До этого греческие историки довольствовались абсолютным временем, внутри которого события располагались в последовательности причин и следствий. Иногда соседствовали события, хронологически разнесенные на тысячи лет.

Такое их расположение позволяло античным историкам ориентироваться в массе синхронных событий. Введение хронологической системы и ее использование в периоды поздней античности и раннего средневековья, сопровождавшиеся падением образовательного и культурного уровня, сделало ткань исторических сочинений диахронной. Ткань эта стала тоньше и проще, значительная часть побочных сюжетных линий в хрониках сокращается. Организующим принципом повествования становится не логическая, а хронологическая последовательность событий; не столько их взаимное расположение, сколько рядоположение. При всей распространенности уничижительных характеристик средневековых хроник, следует отметить, что именно из них в современную научную историографию перешел принцип организации материала в соответствии с его датировкой.

Но, в любом случае, у нас нет оснований постулировать исчезновение античного подхода к материалу, основанного на использовании абсолютного времени и на логическом расположении событий. Он сохранился в стихии устной речи, в которой хронологическая датировка событий непринципиальна, поскольку она гарантирует заучивание, запоминание событий – но не их понимание. «Безвременье», о котором мы говорим, является результатом противоречия между датированной историей «из книг» и устной историей, преследующими различные цели и задачи.

Таким образом, феномен «безвременья» в массовом сознании Нового и Новейшего времени оказывается производной от принципа синхронного расположения исторических событий в абсолютном времени, характерного для античной историографии. Выведенный в последующие эпохи за скобки научно–исторических трудов, этот принцип остается, однако, употребительным. Почему? Возможно, в силу тех культурных референций, которые способствовали сохранению многих принципов античного исторического сознания в Европе Нового и Новейшего времени независимо от политических заказов, стоявших перед историками и реализованных средствами письменной истории. Ведь высшие уровни исторического исследования никогда не являлись просто суммой частных историй [1, с. 250]. Принципы их – другие, потому что цели и задачи – тоже другие. Этот феномен отражает дезориентацию массового и исторического сознаний в ситуациях, когда количество синхронно действующих факторов исторического процесса возрастает настолько, что они перестают восприниматься как одновременные в координатах относительного времени, навязываемых письменной историей.

Список использованных источников

1. Арьес Филипп. Время истории / Филипп Арьес. – М.: ОГИ, 2011. – 304 с.
2. Геродот. История в девяти книгах / пер. Г. А. Стратановского. – М.: ОЛМА–ПРЕСС Инвест, 2004. – 436 с.
3. Гулыга А. А. Философские проблемы исторической науки / А. А. Гулыга, Ю. А. Левада (отв. ред.). – М.: Наука, 1969. – 321 с.
4. Нагорна Лариса. Исторична пам'ять: теорії, дискурси, рефлексії / Лариса Нагорна. – К.: ІпіЕнд, 2012. – 328 с.
5. Савельева И. М., Поletaев А. В. История и время. В поисках утраченного / И. М. Савельева, А. В. Поletaев. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 800 с.
6. Слуцкий Борис. Лошади в океане / Борис Слуцкий. – М.: Эксмо, 2011. – 416 с. – (Золотая серия поэзии).
7. Стратановский Г. А. Фукидид и его «История» // Фукидид. История. – Л.: Наука, 1981. – С.405–438.
8. Фукидид. История / ред. Г. А. Стратановский, А. А. Нейхард, Я. М. Боровский. – Л.: Наука, 1981. – 543 с. – (Литературные памятники).

References

1. Ar'es Filipp. Vremja istorii / Filipp Ar'es. – M.: OGI, 2011. – 304 s.
2. Gerodot. Istorija v devjati knigah / per. G. A. Stratanovskogo. – M.: OLMA–PRESS Invest, 2004. – 436 s.
3. Gulyga A. A. Filosofskie problemy istoricheskoi nauki / A. A. Gulyga, Ju. A. Levada (otv. red.). – M.: Nauka, 1969. – 321 s.
4. Nagorna Larisa. Istorychna pam'jat': teoriii, dyskursy, refleksii' / Larisa Nagorna. – K.: IpiEnd, 2012. – 328 s.
5. Savel'eva I. M., Poletaev A. V. Istorija i vremja. V poiskah utrachennogo / I. M. Savel'eva, A. V. Poletaev. – M.: Jazyki russkoj kul'tury, 1997. – 800 s.
6. Sluckij Boris. Loshadi v okeane / Boris Sluckij. – M.: Jeksmo, 2011. – 416 s. – (Zolotaja serija poezii).
7. Stratanovskij G. A. Fukidid i ego «Istorija» // Fukidid. Istorija. – L.: Nauka, 1981. – S.405–438.
8. Fukidid. Istorija / red. G. A. Stratanovskij, A. A. Nejhard, Ja. M. Borovskij. – L.: Nauka, 1981. – 543 s. – (Literaturnye pamjatniki).

Chekanov V. Yu., candidate of historical sciences, assistant professor at the Philosophy and History department, Tauria V. I. Vernadsky National University (Ukraine, Kiev), vsvld1971@gmail.com

The «timelessness» in mass and historical consciousness

The article deals with the issue of roots, peculiarities of functioning and outcomes of usage of «timelessness» category as identification tool for historical epochs. Differently from centralized memory policy, the declaring some epoch «timeless» doesn't work as a mean to fasten public values. It manifests the intellectual elites' negative perception of suppression and lack of liberty. There are analyzed ancient historiography texts featuring the «timelessness» of the material given out of chronological system. The conclusion is that the perception behind both phenomena is inherited and expressed with the different balances between absolute and relative time in scientific historiography and mass perception of history.

Keywords: timelessness, elites, orientation, Herodotus, Thucydides, absolute and relative time.

Чеканов В. Ю., кандидат історичних наук, доцент кафедри філософії та історії, Таурійський національний університет ім. В. І. Вернадського (Україна, Київ), vsvld1971@gmail.com

«Позачасовість» у масовій та історичній свідомості

Розглядається питання про витоки, особливості функціонування та наслідки використання категорії «позачасовості» в якості ідентифікатора історичних епох. На відміну від централізованого запровадження політики пам'яті, сприйняття епохи «поза часом» не є засобом закріплення ціннісних орієнтирів, а слугує маніфестацією негативного ставлення інтелектуальних еліт до обмежень. Проаналізовані тексти античної історіографії, що характеризуються «позачасовістю» розташування матеріалу, не включеного в хронологічну систему. Зроблено висновок про спадковість світосприйняття, що стоїть за обома феноменами, яке виражається у зміні співвідношення між абсолютним і віносним часом в історичних працях і у масовому сприйнятті історії.

Ключові слова: позачасовість, еліти, орієнтація, Геродот, Фукидид, абсолютний та відносний час.

УДК 930:929:316.343–058.12:82–96«2000/2017»

Бараненко С. М.,

аспірантка кафедри спеціальних галузей історичної науки, Донецький національний університет ім. Василя Стуса (Україна, Вінниця),
svetlana.baranenko@gmail.com

ІСТОРИКО–БІОГРАФІЧНІ ТА ПРОСОПОГРАФІЧНІ ДОСЛІДЖЕННЯ ДВОРЯНСТВА У СУЧАСНІЙ УКРАЇНСЬКІЙ ІСТОРИОГРАФІЇ

Автор звертається до аналізу робіт сучасних українських науковців, що присвячені історико–біографічним і просопографічним дослідженням. Метою роботи є аналіз праць про вивчення життєвого шляху і діяльності окремого представника дворянства та створення колективної біографії українських дворянських родин. Підкреслюється думка, що персоніфікована історія акцентує свою увагу на певній людині, показує її діяльність, місце та роль у суспільстві, демонструє її інтелектуальні здобутки. Поступове включення в науковий обіг інформації, виокремлених з архівів, повинно допомогти створити більш точні, «яскраві» сторінки з життя відомих людей.

Автор використовує наступні історіографічні джерела: монографії, автореферати, дисертації, в яких розглянуто життєписи як окремих визначних осіб, так і цілих родин. Висновки статті доводять, що у працях йдеться не лише про конкретну особу але і про вплив на неї соціокультурного середовища, яке мало чималий вплив на розвиток особистості. Зазначено, що значне місце у формуванні особистості займали виховання у сім'ї, освіта, родинне коло, оточуюче середовище, соціальні зв'язки, а також зв'язки поколінь. Автор висловлює сподівання, що персоніфікована історія дозволить сучасному українському досліднику більш глибоко зануритися у вивчення подій, що стосуються української еліти дореволюційної доби, адже саме вона відіграла велику суспільно–громадську та культурно–меценатську роль у житті суспільства.

Ключові слова: дворянство, сучасна українська історіографія, історична біографія, просопографія.

Сучасна наукова думка містить у своєму арсеналі відомості не тільки про значні локальні або світові події, а й про конкретних осіб. Персоніфікована історія акцентує увагу на певній людині, показує її діяльність, місце та роль у суспільстві, демонструє її інтелектуальні здобутки. Науковець, що працює в полі біографії, повинен показати не просто людину в часі. Він має представити саму особистість людини, яка буде проявлятися через призму соціальних рис епохи. Сьогодні можливості науковців значно розширилися, не в останню чергу завдяки, доступам до нових джерел інформації, новітніх підходів тощо. Поступове включення в науковий обіг інформації виокремлених з архівів, повинно створити більш точні, «яскраві» сторінки з життя відомих людей. У зв'язку з цим персоніфікована історія дозволяє українському досліднику більш глибоко зануритися у вивчення та аналіз подій, що стосуються української еліти дореволюційної доби. Адже саме вона відіграла велику суспільно–громадську та культурно–меценатську роль у житті суспільства. Незаслужене тривале забуття цілого класу людей в українській історії зобов'язує науковця відтворити історіографічну справедливість.

Означена проблема знайшла часткове відображення в публікаціях дослідниць І. Старовойтенко [8] та Т. Чубіної [11], які звернули увагу на генеалогічні праці про ряд українських родів, козацьку старшину правобережну шляхту.

Мета статті полягає в аналізі історико–біографічних і просопографічних досліджень сучасних українських науковців, які присвятили свої праці вивченню життєвого шляху та діяльності окремого представника дворянства та створенню колективної біографії українських дворянських родин.